

Игорь Анатольевич КОНОВАЛОВ¹

УДК 947.066(571)

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ И ПОЛНОМОЧИЙ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В XVIII В.

¹ кандидат исторических наук, доцент,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
konov77@mail.ru

Аннотация

На основании дореволюционного законодательства в статье комплексно рассматривается местное управление в Сибири в XVIII в. Особое внимание уделяется структуре и организационно-правовым вопросам деятельности местного управления. Автор приходит к выводу о том, что полномочия административно-полицейских органов в регионе имели свою специфику и были значительно более широкими, чем в центральных губерниях Российской империи.

Противоречие территориального и ведомственного принципов управления и вызванная этим неразбериха настоятельно требовали создать способ объединения и унификации разрозненных местных учреждений. Административно-территориальные преобразования распространялись на регион без учета огромных сибирских расстояний, наличия только небольшого круга лиц, способных осуществлять управленческие полномочия, и малочисленности населения края; они также не учитывали многоукладный поликонфессиональный и многонациональный состав сибирского населения, распространяя европейские порядки на коренные народы Сибири. Социально-экономическое развитие края и рост колонизации вызывали потребность в более гибкой организации местного администрирования.

Ключевые слова

История Сибири, власть, местное управление, реформа, администрация, губернатор, полиция, полномочия, выборы, национальная политика.

Цитирование: Коновалов И. А. Эволюция структуры и полномочий местного управления в Сибири в XVIII в. / И. А. Коновалов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 2. С. 137-149. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-137-149

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-137-149

В XVIII в. административно-территориальное устройство Сибири менялось на основании царских и императорских указов, а также «Учреждений для управления губерний» Екатерины II и нормативно-правовых актов Павла I. Губернская реформа Петра I, с одной стороны, отразила стремление законодателя к созданию наибольшей административной централизации при единстве верховной власти, с другой — к упрочению внешнего могущества России. Петровская губернская реформа реорганизовала управление Сибирью. Дальнейшие реформы российской государственности в XVIII в. почти все были распространены на сибирскую окраину. Главные направления этих преобразований касались рационализации местного управленческого аппарата и становления государственной службы, вытеснения административных обычаев нормативными правовыми актами и нормативного регулирования этих процессов.

В начале XVIII в. экономическое освоение и административно-территориальное включение Сибири в систему управления российского государства в основном завершилось. Поэтому среди 8 губерний — Ингерманландской, Московской, Киевской, Смоленской, Архангельской, Казанской, Азовской, учрежденных в России 18 декабря 1708 г., была и Сибирская с тридцатью городами и с главным административным центром в Тобольске. Сибирский приказ не упразднился, но он стал как бы представительством-канцелярией губернатора в столице. Некоторые структуры Сибирского приказа были переведены в Тобольск, в канцелярию губернатора [10]. Губернатор был поставлен в непосредственную зависимость и подчинение Сенату и коллегиям. Обо всех делах, превышающих его компетенцию, он был обязан докладывать в соответствующие коллегии. При увольнении губернатор должен был представить отчет за все время своего управления регионом: в Сенат об исполнении каждого указа и в коллегии по принадлежности о прочих делах [1, с. 110]. На губернаторов, кроме попечения о сохранении тишины и пресечении политических беспорядков, Петр I возложил совершенно новую обязанность — полицейскую, в самом обширном смысле слова, понимая под полицией заботу о безопасности и благосостоянии подданных [7, с. 39].

Начиная с петровских преобразований, вся полнота власти и ответственности за обширный сибирский край сосредоточилась в руках губернатора, которым было велено «о денежных сборах и о всяких делах присматриваться и для доношения ему Великому Государю о тех губерниях готовым быть, где он Государь укажет» [7, с. 43]. Вплоть до екатерининских «Учреждений для управления губерний» положение губернаторов не было четко определено в законодательстве, все губернское управление Петра I являлось введенным в виде опыта и постоянно подвергалось изменениям.

С 1710-х гг. появились новые идеи отделения суда от администрации, введения коллегиальных начал в управлении регионом, произошло становление постоянного органа надзора — фискалуры. Первым губернатором края стал

судья Сибирского приказа М. П. Гагарин, одновременно занимавший должность московского коменданта и носивший звание «Московский комендант и генерал-президент, сибирский провинциальный судья». Однако открытие губернии затянулось, и Гагарин только через три года, в 1711 г., выехал в Тобольск, получив звание губернатора. Наряду с губернаторской должностью была учреждена должность вице-губернатора, заменявшего губернатора там, где он сам не успевал действовать. Губернатор использовал вице-губернатора для особых поручений, иногда поручал ему управление какой-то частью губернии, если по его мнению, эта часть требовала особого надзора. В помощь Гагарину были назначены два вице-губернатора [1, с. 112].

На протяжении XVIII в. административно-территориальное деление региона неоднократно менялось под влиянием различных факторов: социально-экономического развития края, изменений внутривластного и внешнеполитического курса правительства. Вторая областная реформа Петра I приблизила сибирское местное управление к общероссийскому. Провинциальная реформа 1719 г. способствовала обособлению административных, судебных и фискальных органов власти, а также устанавливала коллегиальные принципы принятия важнейших решений [11]. Управление стало иметь в основе не обычай, а нормы права, оно приобрело бюрократический характер. Под контролем губернатора оказалась огромнейшая территория, объединявшая не только Дальний Восток, Сибирь, но также и часть восточного Приуралья. Несмотря на огромную территорию, губерния была малонаселенной. В петровской Сибирской губернии было 62 тыс. дворов, в Петербургской — 179 тыс. При этом еще в 1711 г. было установлено, что Сибирская губерния за свой счет должна была содержать 2 кавалерийских и 5 пехотных полков — столько же, сколько густонаселенная Смоленская губерния. Сибирскому губернатору князю Черкасскому было предписано «из-за больших размеров сибирской губернии, разделить губернию на три провинции, назначить в них вице-губернаторов, подчиненных его губернаторской власти» [1, с. 43].

29 мая 1719 г. по новой петровской губернской реформе создавалось промежуточное звено между губернией и уездом — провинция. Прежние разряды превратились в Тобольскую, Вятскую и Соликамскую провинции во главе с одним губернатором: две из них находились в Приуралье (Вятская и Соликамская) и одна в Сибири с центром в Тобольске [8, с. 2]. В сибирских городах появились должности комендантов и обер-комендантов, а после учреждения провинций, для руководства последними, была учреждена должность воеводы. Воеводы были помощниками губернатора. В провинции воевода должен был делать то же, что губернатор делал в губернии. Согласно пункту 2 Инструкции воеводам от 1719 г., на воевод были возложены даже функции политической полиции и контрразведки: «Надлежит воеводе старательное осмотительство иметь, чтоб никакие шпионы от государственных неприятелей в его провинции не обретались, и через письма или словесно простые люди от верности своей, чем они своему государю и государству обязаны, не отклонялись, но как воз-

можно, брать таких под караул, и разыскивать, и о том известие чинить Его Царскому Величеству, или Сенату» [7, с. 46].

В 1724 г. Тобольская провинция была разделена на три — Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. В провинциях и дистриктах, как и в европейских губерниях, появились новые должностные лица, подчиненные непосредственно центральным ведомствам — коллегиям: камериры, земские комиссары, рент-мейстеры, фискалы [12].

Из-за огромных размеров и удаленности Сибирской губернии от центра империи она была плохо управляема, поэтому в 1727 г. Вятская и Соликамская провинции отошли к Казанской губернии. Сибирская губерния стала состоять из Енисейской, Тобольской и Иркутской провинций, которые были поделены на 21 уезд [13]. Указания Петра I относительно уездного уровня управления имели по преимуществу фискальный характер и не были прочными и определенными. Понятие об уезде можно было спутать с понятием о провинции. Уездное управление осуществлялось воеводами, ладратами, ландрихтерами и земскими комиссарами. Воеводы, ладраты и ландрихтеры работали с помощью коллегий. В уездах на воевод возлагались дела по полицейскому, казенному и судебному управлению. Хозяйственно-распорядительные функции в городах воеводы выполняли совместно с магистратами, в частности, в тех сибирских городах, где они были созданы. На ландрихтеров были возложены судебные полномочия, комиссарам поручалась судебная полиция. Собственно администраторами были ладраты, но и они выходили из рамок административно-исполнительной власти [2, с. 112].

Для Сибири XVIII в. было весьма характерно, что административно-территориальные границы не столько объединяли уже сложившиеся экономические районы, сколько активно формировали их. Административное деление сибирских территорий происходило не эволюционным путем, а создавалось волевыми решениями, подкрепленными нормативно-правовыми актами, где интересы коронной администрации ставились превыше всего.

Верховная власть достаточно часто с недоверием относилась к деятельности сибирских администраторов. В указе императрицы Анны Иоанновны говорилось: «Нам стало известно, что в Сибири служат воеводами выходцы из казаков и купцов, добившиеся офицерских чинов, не грамотными, а некоторые, без службы, были записаны из казаков в дворяне, и даже беглые и бывшие холопы были определены в воеводы. Они служат с целью обогащения. Мы постановили, чтобы немедленно в Сибирь отправить служить воеводами дворян» [23, с. 279]. Поэтому общее управление регионом с 1730 по 1763 гг. (правление Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны) вновь стал осуществлять Сибирский приказ [4, с. 82]. Однако это было отступлением от рациональных принципов государственного строительства, установленных Петром I. Подобная реставрация не оправдала себя на практике, т. к., помимо Сибирского приказа, дела региона оказались в компетенции губернатора, а также Сената и коллегий.

Большую часть XVIII в. все региональные вопросы Сибири в Санкт-Петербурге направлялись в соответствующие коллегии, занятые своими собственными, ведомственными интересами, а потому достаточно часто вносившие в жизнь сибирской окраины неразбериху и путаницу. Определяя положение Сибири в системе государства, верховная власть часто поступала непоследовательно, то собирая дела региона в одном, специально созданном учреждении, то распределяя их по различным ведомствам, с различным объемом полномочий. Такая переменчивость связывалась с недостаточной, по мнению правительства, эффективностью местного управления.

В 1736 г. Сибирская губерния из-за огромнейшей территории, на которой она располагалась, была поделена на две административные единицы. Под властью сибирского губернатора остались Енисейская и Тобольская провинции. Особому вице-губернатору была вверена Иркутская губерния, подчиненная непосредственно Сибирскому приказу. Это событие положило начало административному размежеванию Сибири на Западную и Восточную [9, с. 212].

В 1764 г. в Сибири были образованы две губернии — Иркутская и Тобольская, а иркутский и тобольский губернаторы стали представителями и доверенными лицами главы государства в крае. Первоначально губернаторы назначались Сенатом, затем Верховным тайным советом, в последующем стали назначаться Кабинетом ее императорского величества, в правление Елизаветы Петровны назначения губернаторов вновь стал осуществлять Сенат [5, с. 301].

В екатерининском «Наказе» (наставлении) губернаторам, который предшествовал «Учреждениям об управлении губерний» 1775 г., губернаторы были поставлены в зависимость не от коллегий, а только от императрицы и Сената. В важных случаях губернаторам было предоставлено право доклада непосредственно монарху, а также власть главного начальника губернии. «Наказ» поручал губернатору контроль за всеми присутственными местами и служащими губернии относительно правильного исполнения ими обязанностей [22, с. 110, 115].

Кардинальная перестройка местного управления произошла в 1770-1780 гг. Манифест от 7 ноября 1775 г., который сопровождал обнародование «Учреждений для управления губерний», указывал на большие территории главных административных единиц, недостаточное количество в них органов управления и должностных лиц, а также смешение в таком администрировании различных ведомств и управленческих функций [14]. В соответствии с «Учреждениями» в стране была осуществлена широкая реформа местных управленческих структур. Образование органов местного управления, назначения в них производились вышестоящими государственными органами на основании закона. Региональное управление, по мнению Екатерины, было обязано отразить в себе начала управления императорской власти. Она рассматривала губернию практически как отдельное наместничество и придавая особое значение сибирскому региону, именовала его Сибирским царством, а в Тобольске, месте пребывания наместника, был даже поставлен трон. Кроме того, была выпущена сибирская монета

со старинным гербом Сибирского царства [21, с. 69]. Ст. 59 «Учреждения» устанавливала, что генерал-губернаторы и губернаторы назначаются императором и являются «поручиками правителя» [14].

В соответствии с вышеуказанным законом, империя была поделена на губернии и уезды. Каждая губерния получила одинаковое судебное и административное устройство. Особенности развития Сибири привели к необходимости учреждения органов власти, способных достойным образом представлять местные управляющие структуры и общество перед императрицей. Они обусловили более широкую, чем в центральных губерниях, компетенцию местного государственного аппарата и, прежде всего, полицейских органов.

Губернатор управлял губернией, он возглавлял губернское правление, которое осуществляло контроль за главными государственными органами губернии: казенной палатой и казначейством, уголовными и гражданскими судами, Верхним земским судом (который не был создан на сибирской окраине из-за отсутствия дворянства) и приказом общественного призрения. Генерал-губернаторы (наместники) занимали определенные посты в вооруженных силах, но по объему прав не сильно отличались от губернаторов. Генерал-губернаторы, как правило, находились во главе группы губерний [22, с. 229]. Созданную Петром I новую ветвь государственной деятельности — полицейскую, екатерининское и последующее законодательство возложило главным образом на губернаторов. По «Учреждениям» 1775 г. губернатор как начальник всего губернского управления являлся руководителем всех полицейских органов, организованных для обеспечения подданным благосостояния и безопасности [25].

Новое административно-территориальное устройство империи определялось фактически без учета национальных и экономических особенностей регионов. Административно-территориальная организация Сибири в XVIII в. находилась в стадии становления. В основу деления был положен количественный критерий — численность проживавшего населения. Администрацией уезда руководил нижний земский суд, губернии — губернское правление, а городами — городничии [15]. Все коллегии, за исключением Морской, Военной и Иностранных дел, были упразднены, а их дела были переданы в губернии с разделением в трех учреждениях: губернском правлении, губернском суде и казенной палате [22, с. 102]. Верховная власть передала в губернии разрешение большинства местных вопросов. В 1781 г., при распространении закона на три сибирских — Тобольское, Кольванское и Иркутское, а также в Пермское наместничество был назначен только один генерал-губернатор (наместник) — генерал Кашкин [15].

В губернское правление, ставшее вплоть до февральской революции 1917 г. важнейшим органом коронной власти на местах, входили губернатор как председатель, губернский прокурор и два советника. Этот орган был наделен не только административно-полицейскими, но и распорядительными полномочиями [16]. Для управления финансовыми и фискальными вопросами в губерниях учреждались казенные палаты из вице-губернатора и 5 членов: двух совет-

ников, двух ассессоров и губернского казначея. Казенной палате подчинялись казначейства — уездные и губернские, которые хранили казенные доходы. Для управления школами, больницами, смирительными и работными домами создавался приказ общественного призрения из 6 заседателей под председательством губернатора. Надзор за законностью в губернии осуществлял губернский прокурор и два губернских стряпчих [6, с. 107]. Члены губернского правления и советники палат назначались в должности непосредственно Сенатом, два члена казенной палаты, председатель губернского магистрата назначались Сенатом по представлению губернского правления [7, с. 214].

Огромная власть сибирских губернаторов основывалась на личном доверии императоров и укреплялась почти полной бесконтрольностью в регионе. В императорском «Наставлении губернаторам» 1764 г. указывалось, что губернаторы как «проверенные особы» должны были осуществлять контроль за всеми должностными лицами и органами, включая полицию, которая преследовала и «истребляла злодеев» [17]. «Учреждения» 1775 г. четко не определили полномочия губернаторов, поставив их в положение «хозяев губерний» и предоставив им широчайший административный простор. Проявляя самостоятельность, они часто наживали себе противников, которые стремились воспользоваться любым подходящим поводом, чтобы скомпрометировать в глазах Санкт-Петербурга неугодного «хозяина» региона. С другой стороны, озабоченные тем, чтобы поддерживать у верховной власти впечатление о благоприятном состоянии дел в крае, сибирские губернаторы старались «не выносить сор из избы» и, чтобы умалить значение того или иного происшествия, не допускали проникновения в столицу негативной информации.

С распространением на сибирский регион «Учреждений для управления губерний» в крае было ликвидировано провинциальное устройство, созданы Тобольское, Иркутское и Колыванское наместничества [18]. В 1796 г. наместничества были ликвидированы, и край был поделен на две губернии — Иркутскую и Тобольскую [2, с. 8]. Административно-территориальное деление на сибирской окраине империи несколько отличалось от такого же в центральной России. Наместничества делились на области, области — на уезды, уезды в период правления императора Павла I стали состоять из волостей. Впрочем, в конце XVIII в. областное деление было ликвидировано. Организация территориального пространства внутри региона в XVIII в. выявила ряд особенностей, которые и сегодня характерны для Сибири: неравномерность расселения, разный размер административно-территориальных единиц и культурно-хозяйственного освоения, социальная, этническая и конфессиональная чересполосица.

Губернские власти в Сибири в XVIII в. опирались не только на полицейские органы, но и на городское и крестьянское самоуправление. Городское самоуправление появилось в Сибири в результате петровских преобразований. В 1723 г. был образован Тобольский магистрат, городские магистраты были созданы также в центрах уездов (дистриктов) края, в их состав входили бургомистры и ратманы [9, с. 87]. В конце XVIII в. на города Сибири была рас-

пространена «Жалованная грамота на права и выгоды городам Всероссийской империи» 1785 г. Городское самоуправление и управление было рационализировано путем создания присутствий, коллегиально решающих городские вопросы. Основные начала городской реформы 1785 г. базировались на децентрализации, сословности и выборности должностных лиц органов местного самоуправления [19].

Коронная власть в полицейском отношении за пределами городских центров была вынуждена опираться на крестьянские «миры». В процессе колонизации региона стихийно сложилась крестьянская община, которая постепенно попала под контроль государства. Согласно именному указу 1781 г., в ходе административных реформ генерал-губернатором Е. П. Кашкиным было разработано положение «Об установлении порядка в сельской жизни», согласно которому прежние сибирские низовые административно-территориальные единицы (вотчины, слободы, погосты, ямы и остроги) были объединены в волости [24, с. 163]. В 1787 г. данное положение получило подтверждение в «Уставе о сельских порядках в казенных селениях и селениях удельного ведомства», а также в законодательстве Павла I [20].

Крестьянские волости и городское общественное управление были включены в механизм государственной власти, они наделялись правом юридических лиц и государственно-властными полномочиями. Условия быта и традиции горожан и общин сибирских государственных крестьян позволили на долгое время найти решение, высвободившее коронную администрацию от финансовых затрат на низовое звено городских и сельских местных органов управления.

Органы общественного управления Сибири в XVIII в. были инкорпорированы в систему местных учреждений государственной власти. Отличие их от органов государственной власти было только в формах их организации, характере и условиях работы, подведомственной контролю со стороны административно-полицейских органов — управ благочиния и нижних земских судов, что воспринималось сибиряками как вполне оправданные условия их быта.

До принятия «Сибирского учреждения» 1822 г. большинство постановлений о коренных народах Сибири ограничивалось небольшим числом указов о приведении их в православие и двумя инструкциями: 1) Инструкцией, данной в 1728 г. С. В. Владиславичем-Рагузинским пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву, о разборе маловажных дел ясачных инородцев; 2) Инструкцией, данной в 1763 г. секунд-майору Щербачеву, при проведении переписи о ясачной подати. Высочайший Указ от 6 марта 1763 г., подтверждающий Инструкцию 1728 г., устанавливал, что суд и расправа во всех гражданских и уголовных делах небольшой степени тяжести между инородческим населением предоставляются их родовым управам на основании обычно-правовых норм [8, с. 27]. В 1760-1790-х гг. были осуществлены государственные мероприятия по реорганизации управления коренным населением Сибири, в отношении которого правительство решилось на вовлечение родового управления в систему государственного управления регионом, на утверждение судебных полномочий ясачной админи-

страции и на более стройную регламентацию сбора и размера ясака, что свидетельствовало о желании коронной администрации специально заниматься вопросами управления коренным населением края.

Еще в 30-60-е гг. XVIII в. в Сибири началось становление отраслевых органов, управляющих горными заводами — Нерчинскими и Колывано-Воскресенскими. В 1747 г. Колывано-Воскресенские заводы были переданы в ведение Кабинета ее императорского величества. Основу горнозаводского управления составляли горные конторы. В 1761 г. для руководства Нерчинскими заводами была учреждена должность «главного командира» [3, с. 95].

По мере социально-экономического освоения Сибири военно-административная функция, главная в управлении краем в XVII в., в значительной степени была заменена административно-полицейской. XVIII в. знаменовался строительством в Российской империи новой системы местного управления. Важным признаком этого строительства было появление в структуре государственной власти Сибири органов регулярной полиции. Возникновение полицейской бюрократии находилось в непосредственной связи со становлением в стране абсолютизма, который являлся способом реализации этатистских идей — попыткой организации государства, стоявшего над социально-классовыми группами того времени. В стремлении доминировать над всеми сословными группами абсолютизм не мог опираться ни на какую-либо из них. Поэтому возникала потребность создания особой категории людей, которые в известной мере стояли вне сословий и непосредственно занимались государственной службой. Оторванные от общества, эти люди, обязанные всем монарху, являлись послушным инструментом в его руках. Из них образовался сплоченный класс, сибирская полицейская бюрократия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах / И. Е. Андриевский. СПб, 1864. 156 с.
2. Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / Е. Н. Анучин. СПб, 1872. 238 с.
3. Власть в Сибири XVI — начало XX в. / 2-е изд., перераб. и доп.; сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 639 с.
4. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма / И. Л. Дамешек. Иркутск: «Отгиск», 2002. 208 с.
5. История Сибири. М.-Л.: Наука, Т. 2. 1968.
6. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. Сочинения в девяти томах. М., 1989. Часть V. Т. 5. 458 с.
7. Лохвицкий А. Губерния. Ее земские и правительственные учреждения / А. Лохвицкий. СПб, 1864. Ч. 1. 221 с.

8. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб, 1841. 61 с.
9. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. 530 с.
10. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 4. СПб, 1830. № 2218.
11. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. СПб, 1830. № 3378; Наш край в документах и иллюстрациях. Тюмень: Средне-Уральское кн. изд-во, 1966. 590 с.
12. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. СПб, 1830. № 4606.
13. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. СПб, 1830. № 5065.
14. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 20. СПб, 1830. № 14.392.
15. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 20. СПб, 1830. № 15044; Т. 21. СПб, 1830. № 15115; Лохвицкий А. Губерния. Ее земские и правительственные учреждения / А. Лохвицкий. СПб, Ч. 1. 1864.
16. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 20. СПб, 1830. № 15044; Т. 21. СПб, 1830. № 15115. Ст. 103.
17. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 16. СПб, 1830. № 12157.
18. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 20. СПб, 1830. № 15044; Т. 21. СПб, 1830. № 15115; 15327; 15680.
19. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 22. СПб, 1830. № 16188.
20. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 24. СПб, 1830. № 18.082; Рабцевич В. В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775-1825 гг.) / В. В. Рабцевич // Крестьянская община в Сибири XVII-начала XX в. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. институт, 1977. С. 3- 27.
21. Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки / С. М. Прутченко. СПб, 1899. Т. 1-2.
22. Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах / под ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 5. 512 с.
23. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. Новосибирск: «Вен-Мер», 1995. 675 с.
24. Суворова Н. Г. Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII — первой половине XIX в. / Н. Г. Суворова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 2. С. 160-173.
25. Учреждения для управления // Российское законодательство X-XX веков: в девяти томах. Т. 5. С. 83-84, 87, 237-238, 241-242.

Igor A. KONOVALOV¹

EVOLUTION OF THE STRUCTURE AND LEGISLATIVE AUTHORITIES OF LOCAL GOVERNMENT IN SIBERIA IN THE XVIII CENTURY

¹ Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor,
Senior Lecturer, Omsk State University
konov77@mail.ru

Abstract

Based on the pre-revolutionary legislation, this article comprehensively considers the local government management of Siberia in XVIII century. Special attention was given to the structure and legal issues of the activities of local government. The author concluded that the powers of the administrative and police authorities in the region had their own features and were much wider than in the central provinces of the Russian Empire.

The contradiction of the territorial and departmental principles of the management strongly demanded establishing a new method combining and unifying the disparate local bodies. Administrative reforms were extended to the region without taking into account the huge Siberian distances, the presence of only a small number of people capable of carrying out administrative powers and the small population of the province. The reforms did not consider the stratification in confessional and multi-ethnic composition of Siberia, imposing European rules on the native population of the region. The socio-economic development of the region and the growth of colonization caused the necessity of more flexible organization of the local administration.

Key words

History of Siberia, power, self-government, reform, administration, governor, police, authorities, elections, national policy.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-137-149

Citation: Konovalov I. A. 2017. "Evolution of the Structure and Legislative Authorities of Local Government in Siberia in the XVIII Century". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 2, pp. 137-149.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-137-149

REFERENCES

1. Andrievskiy I. E. 1864. O namestnikah, vovodah i gubernatorah [About Aldermen, Voevodes and Governors]. St. Petersburg.
2. Anuchin E. N. 1872. Istoricheskiy obzor razvitiya administrativno-politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii s Uchrezhdeniya o guberniyah 1775 g. do poslednego vremeni [The Historical Overview of the Development of Administrative-Police Establishments in Russia]. St. Petersburg.
3. Akishin M. O., Remnev A. B. (comps). 2008. Vlast' v Sibiri XVI — nachalo XX v. 2-e izd. [The Political Regime in Siberia in XVI — beginning of XX centuries]. Novosibirsk: Sova.
4. Dameshek I. L. 2002. Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma [Siberia in the System of Imperial Regionalization]. Irkutsk: Ottisk.
5. Nauka. 1968. Istoriya Sibiri [The History of Siberia], vol. 2. Moscow-Leningrad: Nauka.
6. Klyuchevskiy B. O. 1989. "Kurs russkoy istorii" [A Course in Russian History]. In: Klyuchevskiy B. O. Sochineniya v devyati tomah [Works in 9 Volumes], part 5, vol. 5. Moscow.
7. Lokhvitskiy A. 1864. Guberniya. Eyo zemskie i provitel'stvenye uchrezhdeniya [Province. Its Local and Governmental Establishments], part 1. St. Petersburg.
8. Obozrenie glavnykh osnovaniy mestnogo upravleniya Sibiri [The overview of the main regulations of local government in Siberia]. 1841. St. Petersburg.
9. Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1884 god [The memorable book of Tobolsk Province of 1884]. 1884. Tobolsk.
10. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 4, no 2218. St. Petersburg.
11. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 5, no 3378. St. Petersburg; Sredne-Ural'skoe kn. izdatel'stvo. 1966. Nash kray v dokumentah i ilyustratsiyah [Our land in documents and illustrations]. Tyumen: Sredne-Ural'skoe kn. izdatel'stvo.
12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 5, no 4606. St. Petersburg.
13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 7, no 5065. St. Petersburg.
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 20, no 14.392. St. Petersburg.
15. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 20, no 15044. St. Petersburg; vol. 21, no 15115; Lokhvitskiy A. 1864. Guberniya. Eyo zemskie i provitel'stvenye uchrezhdeniya [Province. Its Local and Governmental Establishments], part 1. St. Petersburg.
16. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 20, no 15044. St. Petersburg.; vol. 21, no 15115, art. 103.
17. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 16, no 12157. St. Petersburg.
18. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 20, no 15044. St. Petersburg; vol. 21, no 15115; no 15327; no 15680.

19. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 22, no 16188. St. Petersburg.
20. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, 1830, coll. 1, vol. 24, no 18.082. St. Petersburg; Rabtsevich V. V. 1977. "Krest'yanskaya obschina v sisteme mestnogo upravleniya Zapadnoy Sibiri (1775-1825 gg.)" [Peasant Community in the System of Western Siberia's Local Government Management (1775-1825)]. In: Krest'yanskaya obschina Sibiri XVII-XX v., pp. 3-27. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. pedagog. institut.
21. Prutchenko S. M. 1899. Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya, svyazannye s sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva. Istoriko-yuredicheskie ocherki [Siberian Areas. Regional Regulations, Connected with the Siberian Establishment in 1822. Historical and Juridical Notes], vols. 1-2. St. Petersburg.
22. Chistyakov O. I. (ed.). 1984. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov [Russian Legislation of X-XX centuries] in 9 vols. Vol. 5. Moscow.
23. Slovtsov P. A. 1995. Istoricheskoe obozrenie Sibiri [The Historical Overview of Siberia]. Novosibirsk: Ven-Mer.
24. Suvorova N. G. 2006. "Volost' kak instrument integratsii russkogo i inorodcheskogo naseleniya Sibiri v kontse XVIII — pervoy polovine XIX v." [Volost as an Integration Factor for Russian and Foreign Population of Siberia at the end of XVIII — first half of XIX century]. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, no 2, pp. 160-173.
25. Uchrezhdeniya dlya upravleniya [Establishments for Administration]. In: Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov [Russian Legislation in X-XX centuries] in 9 vols. Vol. 5, pp. 83, 84, 87, 237, 238, 241, 242.